

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. А. БОКАРЕВ

ЗАДАЧИ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Уже в конце XVIII — начале XIX в., когда кавказские языки стали объектом научного изучения, возник вопрос об их родстве между собой и об отношении их к другим языкам и языковым группам, расположенным за пределами Кавказа¹.

Сравнительно легко разрешался вопрос о родстве тех кавказских языков, которые находились в большой материальной близости друг к другу, тем более, что наиболее очевидная материальная близость языков в большинстве случаев оказывалась связанной и с их территориальной смежностью. В словаре акад. Палласа² кавказские языки, видимо не случайно, были расположены следующим образом: аварский, бежитинский, цезский (дидойский), грузинский, мегрельский, сванский, кабардинский, абхазский, чеченский, ингушский, бацбийский, лакский, андийский, даргинский³.

Порядок, принятый в словаре Палласа, более или менее соответствовал материальной, т. е. генетической близости языков. Обращает на себя внимание лишь то, что из дагестанских языков андийский, лакский и даргинский языки даны обособленно от аварского, бежитинского и цезского. Гюльденштедт⁴, чьи материалы по кавказским языкам были использованы в словаре Палласа, делит кавказские языки на следующие группы: «лезгинскую» (т. е. аваро-андо-цезскую. — *Е. Б.*), кистинскую (т. е. вейнахскую. — *Е. Б.*), черкесскую (кабардинский и абхазский языки) и грузинскую (грузинский, мегрельский и сванский языки). Клапрот⁵ объединяет под наименованием «лезгинские языки» аварский, андийский, цезский, лакский, даргинский, лезгинский, затем выделяет вейнахскую группу, а после нее дает черкесский, абхазский и сванский языки.

С середины XIX в. классификация кавказских языков, основанная на их материальной близости, приняла уже более или менее устойчивый вид, если отвлечься от некоторых частных, которые и до сего времени иногда

¹ Об истории изучения кавказских языков см. М. Я. Немировский, Из прошлого и настоящего кавказской лингвистики, Владикавказ, 1928.

² «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы», СПб.: ч. I — 1787; ч. II — 1789.

³ Здесь и далее названия языков приводятся в форме, более обычной в настоящее время.

⁴ J. A. G ü l d e n s t ä d t, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, Teil, II, St. Petersburg, 1791.

⁵ J. K l a p r o t h, Reise in den Kankasus und nach Georgien, Bd. II, Halle — Berlin, 1814.

вызывают разногласия среди специалистов. Капитальными трудами П. К. Услара по горским языкам Кавказа начинается новый период в исследовании кавказских языков, характеризующийся стремлением к тщательному и глубокому изучению их грамматического строя и словарного состава. Приступая к своим исследованиям, Услар намечал провести их в сравнительно-историческом плане, т. е. ставил перед собой задачу выяснить генетические связи между исследуемыми языками. В одном из его ранних писем читаем: «Если тем, что я напишу, мне удастся хотя несколько способствовать указанию настоящего пути для будущих исторических исследований на Кавказе, вроде исследований Гримма, Воппа, Лассена, Потта и др., то уже заслуга моя будет очень велика»⁶. Хотя Услар и не оставил после себя обобщающих трудов, в которых содержались бы доказательства единства кавказских языков, основанные на их сравнительно-историческом изучении, все же ему принадлежит ряд отдельных ценных сопоставлений в области лексики и грамматики, которые прочно вошли в научный обиход. В результате своих исследований Услар пришел к выводу о том, что кавказские языки образуют совершенно особую языковую семью, не связанную с другими, уже известными науке. «Теперь уже утвердительно можно сказать, что к великим семействам языков старого света: индоевропейскому, семитическому, кушитскому (коптский, эфиопский) и урало-алтайскому должно присоединить еще совершенно самостоятельное семейство языков *кавказских*, так как все эти языки, при изумительном разнообразии, представляют глубокие родственные черты»⁷.

Таким образом, уже первое знакомство с кавказскими языками позволило наметить языковые группы на основании их очевидного родства: картвельскую, абхазо-адыгскую и вейнахскую. Дальнейшие исследования только подтверждали существование этих групп. Больше всего сделано в настоящее время в области сравнительно-исторического изучения языков картвельской группы кавказских языков (работы А. А. Цагарели, Н. Я. Марра, А. С. Чикобава⁸, А. Г. Шанидзе, В. Т. Топурия. Для обоснования единства абхазо-адыгских языков важны работы Г. Дюмезиля, К. В. Ломтатидзе, Г. В. Рогава⁹). Генетическое единство вейнахских языков получило освещение в работах А. А. Шифнера, А. Sommerfeldt, Ю. Д. Дешериева¹⁰. Однако ни по одной из этих групп мы все еще не имеем сравнительно-исторических грамматик, в которых было бы систематически и последовательно показано генетическое родство языков, входящих в указанные группы.

⁶ Письмо к А. П. Берже от 26 марта 1859 г. См. П. К. Услар, Этнография Кавказа. Языкознание, II, Тифлис, 1888, стр. 7.

⁷ Письмо к А. П. Берже от 10 февраля 1864 г. См. П. К. Услар, указ. соч., стр. 35.

⁸ См.: А. А. Цагарели, Сравнительный обзор морфологии иберийской группы кавказских языков, СПб., 1872 (литограф. изд.); Н. Я. Марр, Грамматика чанского (лазского) языка, СПб., 1910; Арн. Чикобава, О лингвистических чертах картвельских языков, «Известия АН СССР. Отд. лит-ры и языка», М.—Л., 1948, вып. 1, стр. 25—33; е г о ж е, Грамматический анализ чанского (лазского) диалекта, Тифлис, 1936.

⁹ См. G. Dumézil, Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest (Morphologie), Paris, 1932; см. также докторскую диссертацию Г. В. Рогава «К вопросу о структуре именных основ и категорий грамматических классов в адыгских (черкесских) языках» [автореферат докт. дисс.—Тбилиси, 1953 (Ин-т языкознания АН Груз. ССР)].

¹⁰ См.: A. Schiefner, Tschetschenzische Studien, SPb., 1834; A. Sommerfeldt, Études comparatives sur le caucasiques du Nord-Est («Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskab», Oslo: Bd. VII — 1934, стр. 178—210; Bd. IX — 1935, стр. 115—143; Bd. XIV — 1947, стр. 141—155); Ю. Д. Дешериев, Вацбийский язык, М., Изд-во АН СССР, 1953 (см., например, стр. 46—50).

Особо должен быть рассмотрен вопрос о родстве дагестанских языков, который долгое время был неясным. Обобщающее наименование «дагестанские языки» основывалось на чисто географическом понятии, т. е. в большей степени на признаке территориального соседства языков, чем на признаке их материальной близости и родства по происхождению. Многочисленность дагестанских языков, малая изученность большинства из них, а порой даже и полная неизученность, значительные различия между ними как в области словарного состава, так и грамматики не давали полной уверенности в их генетическом единстве, хотя отдельные сопоставления слов и грамматических показателей в различных языках указывали на большую вероятность того, что и дагестанские языки представляют собой особую группу родственных языков. Приведем некоторые из этих сопоставлений.

В о д а: аварск. *лългин*, цезск. *лъи*, лакск. *шин*, даргинск. *шин*, цахурск. *хан*, удинск. *хе*, рутульск. *хад*, лезгинск. *йад*, табасаранск. *шар*, агульск. *хер*.

Т р и: аварск. *лълб*, цезск. *лъе*, лакск. *шам*, цахурск. *хеб*, удинск. *хиб*, рутульск. *хибу*, лезгинск. *пу* (**йпу*), табасаранск. *шибу*, агульск. *хибу*.

Д о ч ь: аварск. *йас*, андийск. *йоши*, лакск. *душ*, даргинск. *рурси*, кубачинск. *йусе*, цахурск. *йис*, табасаранск. *риш*, лезгинск. *руш*.

С е р д ц е: аварск. *ракI*, цезск. *рокIу*, лакск. *дакI*, даргинск. *уркIи*, лезгинск. *рикI*, табасаранск. *йукI*¹¹.

После П. К. Услара, давшего отдельные сопоставления слов различных дагестанских языков, попытки сравнительно-исторического истолкования фактов этих языков мы видим у Н. Я. Марра, Н. С. Трубецкого¹², А. С. Чикобава и в ряде работ молодых грузинских исследователей¹³. Однако в области изучения дагестанских языков нужна еще очень большая работа по описанию этих языков и их диалектов, по составлению сравнительно-исторических грамматик отдельных подгрупп, прежде чем можно будет приступить к обобщающему исследованию вопроса о генетическом единстве всей совокушности дагестанских языков и к решению проблемы об их отношении к другим кавказским языкам.

Еще ббольшую трудность представляет собой выяснение генетического родства кавказских языков в целом. Эти языки так сильно различаются по своему грамматическому строю и словарному составу, что непосредственные сближения их, без предварительных сравнительно-исторических реконструкций, почти невозможны. Сомнение в родстве северокавказских языков с картвельскими не раз высказывалось в литературе

¹¹ В последних двух словах вначале мы встречаемся с окаменелыми классными показателями, указывавшими на принадлежность существительного к тому или иному классу.

¹² См. Н. Я. М а р р, Непечатый источник истории кавказского мира, «Известия Академии наук», Пг., 1917, № 5, стр. 307—338; N. T r o u b e t z k o y, Les consonnes latérales des langues caucasiqnes-septentrionales, «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», t. XXIII, fasc. 3, Paris, 1922, стр. 184—204; ег о ж е, Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen, «Caucasica», fasc. 3, Leipzig, 1926, стр. 7—36; ег о ж е, Nordkaukasische Wortgleichungen, «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. XXXVII, Heft 1—2, Wien, 1930, стр. 76—92.

¹³ Из них следует прежде всего упомянуть коллективный доклад Т. Е. Г у д а в а, Д. С. И м н а й ш в и л и, Э. А. Л о м т а д з е, Э. М. М а г о м е д б е к о в о й, И. И. Ц е р ц в а д з е «О звуковых соответствиях в языках аварско-английско-диодской группы» на III (IX) научной сессии Ин-та языковедения АН Груз. ССР в 1952 г. (печатается в «Трудах» Ин-та языковедения АН СССР) и доклад Ш. Г. Г а п р и н д а ш в и л и «О лакско-даргинских звукосоответствиях» на IV (X) сессии того же института в 1953 г. (см. тезисы докладов сессии).

(Н. С. Трубецкой, А. Мейе, Г. Фогт, В. Поляк¹⁴ и др.). Не составлены еще сравнительно-исторические грамматики отдельных языковых групп, что предопределяет невозможность создания сравнительно-исторической грамматики кавказских языков, которая только и смогла бы показать со всей убедительностью их генетическое единство.

А. Дирр в своем «Введении в изучение кавказских языков», основываясь на том, что различия между кавказскими языками чрезвычайно велики, также говорит о их единстве условно, только как о рабочей гипотезе, высказывая даже предположение, что в результате дальнейшего изучения вопроса эту гипотезу, может быть, придется заменить учением о принадлежности кавказских языков к трем различным языковым группам¹⁵.

Однако большинство кавказоведов стоит на точке зрения генетического единства кавказских языков, так как отдельные сопоставления между этими языками, приводившиеся в литературе, сообщают этой точке зрения значительную степень вероятности. Следует сказать, что чем больше исследователи кавказских языков углубляются в их изучение, тем более возрастает число таких сопоставлений, усиливая уверенность в исконном родстве кавказских языков.

Приведем некоторые из этих сопоставлений:

Т р и : аварск. *лаб*, лакск. *шам*; грузинск. *sami*, сванск. *semi*; кабардинск. *шы*.

Н о ч ь : аварск. *ре-ле-да* (вечером), андийск. *ре-льо*, лезгинск. *йи-ф*; лазск. *s-eri*, грузинск. *s-er-oba* (ужин).

С е р д ц е : аварск. *ра-кI*, лакск. *да-кI*, табасаранск. *йу-кI*; кистинск. *дуо-г*; грузинск. *g-uli*, сванск. *g-wi*; абхазск. *a-gvə*.

Аналогичный материал, который мог бы подтвердить предположение о генетическом единстве кавказских языков, рассеян по многим специальным исследованиям¹⁶. Однако он не собран воедино, критически не рассмотрен, а потому и не всегда в достаточной степени убедителен¹⁷. Нужна еще большая работа по составлению сравнительно-исторических грамматик отдельных языковых групп с тем, чтобы завершить сравнительно-историческое исследование кавказских языков и подойти к составлению сравнительно-исторической грамматики всей семьи кавказских языков в целом. Только это и смогло бы придать учению о генетическом единстве кавказских языков полную убедительность и превратило бы имеющиеся предположения в научно обоснованные утверждения.

¹⁴ См. N. Troubetzkoу, *Langues caucasiques septentrionales*, сб. «Les langues du monde», [под ред.] A. Meillet et M. Cohen, Paris, 1924, стр. 327—342; A. Meillet, [рец. на кн.:] A. Dirr, *Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen*, Leipzig (Asia Major), 1928 — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. XXIX, fasc. 2, Paris, 1929, стр. 242—244; H. Vogt, *La parenté des langues caucasiques*, «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd. XII, Oslo, 1942, стр. 242—257; V. Polák, *L'état actuel des études linguistiques caucasiennes*, «Archiv Orientální», vol. XVIII, № 1—2, Praha, 1950, стр. 383—407.

¹⁵ См. A. Dirr, *Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen*, Leipzig, 1928, стр. III.

¹⁶ См., например: К. В. Ломтатидзе и А. С. Чикобава, *Иберийско-кавказские языки* (БСЭ, 2-е изд., т. 17, 1952); R. Lafon, *Quelques rapprochements entre les langues caucasiques septentrionales et les langues kartvéles*, «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. XXIX, fasc. 3, Paris, 1929, стр. 138—152.

¹⁷ См., например, книгу: И. А. Джавахишвили, *Введение в историю грузинского народа*, т. II — Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков, Тбилиси, Изд. филиала АН СССР, 1937 (на груз. языке), в которой наряду с большим фактическим материалом и интересными мыслями и наблюдениями еще много натянутого и неубедительного, что, впрочем, не должно казаться неожиданным, так как данная работа не могла опереться на необходимые предварительные исследования.

*

Несмотря на то, что работа по сравнительно-историческому изучению кавказских языков еще далека от завершения, а по отношению к ряду языковых групп, можно сказать, только еще начинается, в науке уже с конца XVIII в. делались попытки установления генетических связей кавказских языков с другими языками и языковыми группами, расположенными вне Кавказа. При этом кавказские языки сравнивались чуть ли не со всеми языками мира: индоевропейскими, финно-угорскими, палеоазиатскими, индейскими, памирскими, вершикским, дравидскими, мон-кхмер, мунда, австронезийскими, семитическими, хамитическими, африканскими, баскским, а также с различными мертвыми языками: урартским, хеттским (неситским), протохаттским, хурритским, шумерским, эламским, лидийским, ликийским, критским (минойским), пелазгским, этрусским, иберским, древнеегипетским. В связи с этим пытались включить кавказские языки в искусственно созданные языковые семьи более широкого объема. Так, например, Фр. Гоммель¹⁸ ввел в обиход наименование «алародийская семья языков», в состав которой он включал вместе с кавказскими также мертвые переднеазиатские и средиземноморские языки (эламский, митаннийский, хеттский, критский, этрусский, лидийский и др.). Вслед за Гоммелем термином «алародийская семья» пользовались Паули, который специальное внимание уделил установлению связей этрусского языка с кавказскими, и К. Оштир¹⁹, который к числу алародийских языков относил также баскский, древнеегипетский и ряд средиземноморских мертвых языков.

Н. Я. Марр в ту пору, когда он еще говорил о яфетической семье языков, также объединял с кавказскими языками переднеазиатские и средиземноморские языки, упоминая при этом и шумерский язык. В непосредственном родстве с яфетическими языками, по его мнению, находятся и языки семитические. С течением времени Н. Я. Марр все расширял круг яфетических языков, придя в конце концов к положению о том, что яфетическую стадию проходили все языки мира²⁰. Вслед за Марром о широком круге яфетических языков говорили В. Шмидт²¹, Р. Блейхштейнер и Ф. Браун.

А. Тромбетти, исходя из своей теории генеалогического единства всех языков мира, непосредственно связывал кавказские языки с баскским, хамито-семитическими, дравидскими, эламским и некоторыми другими²².

А. Дирр, который при рассмотрении фактического материала с такой осторожностью говорил о возможности объединения всех кавказских языков в одну языковую семью, в своих общелингвистических взглядах примкнул к теории А. Тромбетти и вслед за ним считал возможным в качестве ближайше родственных кавказским языкам наметить урартский, митаннийский, эламский, хеттский, ликийский и баскский²³.

¹⁸ См. F. H o m m e l, Grundriss der Geographie und Geschichte des Alten Orients, München, 1884.

¹⁹ См. K. O š t i r, Beiträge zur alarodischen Sprachwissenschaft, Wien—Leipzig, 1921.

²⁰ Из многочисленных работ Н. Я. Марра, посвященных этому вопросу, может быть упомянута работа, впервые опубликованная в 1920 г.: «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидаии средиземноморской культуры» (см. Н. Я. М а р р, Избр. работы, т. 1, Л., 1933, стр. 79—124).

²¹ См. W. S c h m i d t, Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde, Heidelberg, 1926.

²² См. A. T r o m b e t t i, Elementi di Glottologia, Bologna, 1923.

²³ См. A. D i r r, указ. соч., стр. 27.

И. Карст, пользуясь термином «иберо-кавказские языки», причислял к ним баскский, кавказские языки и «алародийский» («доиндоевропейский» армянский). Вслед за Тромбетти Карст вводил иберо-кавказские языки в более широкий круг языков, к которому он относил живые ливийско-эфиопские языки и мертвые языки Передней Азии и Средиземноморья²⁴. Связывать кавказские языки с языками Передней Азии пытались также Г. Винклер, А. Глейе, Ф. Борк, Г. Хюзинг, Е. Форрер и многие другие²⁵. Из последних работ, в которых содержатся попытки включить кавказские языки в широкий круг других языков, следует упомянуть работы К. Боуда; в них материал кавказских языков сопоставляется с материалом баскского, хамитических, финно-угорских, ненецкого, палеоазиатских, австралонезийских, индо-китайских, тибетского и шумерского языков²⁶.

Из мертвых языков Малой Азии с кавказскими языками сравнивались чаще всего урартский язык, для изучения которого так много сделали русские дореволюционные и советские ученые (М. В. Никольский, Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, Г. А. Капанцян, Г. В. Церетели, И. М. Дьяконов, в последнее время Г. А. Меликишвили и др.)²⁷.

Из числа ученых, пытавшихся генетически увязать урартский язык с кавказскими, следует указать на таких, как Ленорман, Сэйс, Гоммель, которые сравнивали урартский язык с грузинским, и на таких, как Тромбетти, Глейе, которые сравнивали его с лезгинским и др. Эти попытки, в основном, строились на подборе внешне созвучных слов и грамматических показателей или же на установлении типологических параллелей того или иного характера. Всего этого, разумеется, было еще очень мало для того, чтобы делать выводы о генетическом единстве сопоставляемых языков. Г. В. Церетели в своем докладе, прочитанном в 1953 г. на сессии Ин-та языкознания АН Груз. ССР, поставил вопрос о генетических связях урартского языка с кавказскими, привел некоторый материал в подтверждение своей мысли, но вместе с тем и весьма скептически высказался о возможности объединения этих языков в одну генеалогическую группу при современной изученности вопроса²⁸.

Таким образом, все попытки установления генетических связей кавказских языков с другими языками мира, которые производились до сих пор, оказывались совершенно неубедительными, так как были лишены каких-либо методически продуманных и последовательных доказательств. В большинстве случаев генетическое сближение сравниваемых языков основывалось либо на сходстве каких-то единичных структурных черт (эргативная конструкция, префиксальное словообразование или формо-

²⁴ J. Karst, Grundzüge einer vergleichenden Grammatik des Ibero-kaukasischen, Bd. I, Strassburg, 1932; его же, Alarodiens et protobasques, Vienne, 1928.

²⁵ См., например, об этом упомянутую работу М. Я. Немировского, а также статью А. В. Десницкой «Вопросы изучения древних языков Малой Азии и сравнительная грамматика индоевропейских языков» («Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 39—58).

²⁶ См. К. Bouda, Baskisch und kaukasisch, «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, 1948, Heft 3/4, стр. 182—202 и Heft 5/6, стр. 336—352; его же, Die Beziehungen des Sumerischen zum Baskischen, Westkaukasischen und Tibetischen («Mitteilungen der altorientalischen Gesellschaft», Bd. XII, Heft 3), Leipzig, 1938.

²⁷ Об истории изучения урартского языка см.: И. Мещанинов, Язык ванской клинописи, П, Л., Изд-во АН СССР, 1935; Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, Приложение к журн. «Вестник древней истории», М., 1953, № 1, стр. 241—324.

²⁸ См. Г. В. Церетели, К вопросу об отношении урартского языка к иберийско-кавказской группе языков, в кн. «IV (X) научная сессия Ин-та языкознания [АН Груз. ССР]... План работы и тезисы докладов», Тбилиси, Изд-во АН Груз. ССР, 1953, стр. 37—39.

образование, именные классы, те или иные фонетические особенности), либо на большем или меньшем внешнем созвучии сравниваемых слов или грамматических показателей. Особенно беспочвенными оказывались попытки сближения кавказских языков с мертвыми языками, от которых нередко сохранилось всего несколько вкривь и вкось толкуемых слов и форм²⁹.

С большой осторожностью говорит о возможности использовать данные «азианических» языков при сопоставлении их с данными кавказских языков А. С. Чикобава: «Эти языки изучены далеко не достаточно. Они ныне не употребляются. Материал по этим языкам, которым располагают исследователи, скуден. Расшифровка писмен клинописных (и тем более иероглифических) наталкивается на большие трудности: нелегко установить, как произносилось написанное и что оно значило в точности; как отмечают специалисты: идеограммы понятны, но неизвестно, как звучало соответствующее слово; клинопись же читается относительно легко, но значение понять в точности не удается»³⁰.

Особо надо рассмотреть также вопрос о родстве кавказских языков с баскским, так как ни с одним другим языком кавказские языки не сравнивались так часто и настойчиво. Впрочем, надо сказать, что баскский язык в свою очередь сравнивался также чуть ли не со всеми языками мира. Попытки сближения баскского языка с кавказскими делались главным образом зарубежными исследователями. В советском языковедении только Н. Я. Марр занимался баскско-кавказскими сравнениями, но его сравнительная методика не в состоянии выдержать серьезной критики. Достаточно сказать, что ведущее место в его сопоставлениях занимал его пресловутый четырехэлементный анализ³¹.

Уже в начале XIX в. Клапрот, связывая отдельные кавказские языки с финно-угорскими и ненецким, дал и свои кавказско-баскские сопоставления. С конца XIX — начала XX в. попытки этого рода начинают следовать одна за другой³². В 1895 г. Г. Шухардт указывал на «внутреннее родство» баскского с грузинским и хамитическими языками, считая, однако, связи баскского с хамитическими языками более тесными, чем с грузинским³³. А. Тромбетти в одном из своих открытых писем к Шухардту (1903 г.), не отрицая родства баскского языка с хамитическими, настаивал на большей близости баскского к кавказским, особенно к грузинскому и абхазо-адыгским языкам. Вслед за Шухардтом и Тромбетти вопросом о баскско-кавказских связях стали заниматься Уленбек (1904 г.) и Винклер (1909 г.)³⁴, Н. Я. Марр и многие другие. Все высказывания этого рода долго носили совершенно декларативный характер: ссылки на структурные, типологические аналогии или эпизодические лексические сопо-

²⁹ См., например, обзор работ об этрусском языке К. Ян а ч е к а в этом номере журнала, стр. 93—101. Скептические соображения о возможности сближения этрусского языка с кавказскими высказывает И. М. Т р о н с к и й в «Очерках из истории латинского языка» (М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 88).

³⁰ А. С. Ч и к о б а в а, Введение в языковедение, ч. I, М., Учпедгиз, 1952, стр. 226.

³¹ Некоторые сопоставления Н. Я. Марра приводит, отзываясь о них, впрочем, в основном, сочувственно, В. Ф. Ш и ш м а р е в (см. его «Очерки по истории языков Испании», М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 3). См. также статью Л. И. Ж и р к о в а «Проблема языка басков» («Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1945, вып. 3—4, стр. 158—166).

³² Исторический обзор таких попыток см. у М. Я. Н е м и р о в с к о г о (указ. соч., стр. 43—47) и В. Ф. Ш и ш м а р е в а (указ. соч., стр. 6—12).

³³ См. Н. S c h u c h a r d t, Ueber das Georgische, Wien, 1895.

³⁴ См. С. С. У л е н б е к, Beiträge zu einer vergleichenden Lautlehre der baskischen Dialekte («Verslagen en mededeelingen den Akademie Amsterdam», Letterkunde, № 5), 1904; Н. W i n k l e r, Das Baskische und der vorderasiatische mittel-ländische Völker- und Kulturkreis, Breslau, 1909.

ставления на основе большего или меньшего внешнего созвучия ни в коей мере не могли создать даже видимости научных доказательств. Только с течением времени сторонники баскско-кавказского единства дают более или менее развернутые работы с привлечением значительного фактического материала.

Первой работой, в которой дано систематическое сравнение словарного материала баскского и кавказских языков, является статья Уленбека³⁵. Уленбек, пытаясь опереться на регулярность звуковых соответствий, дал около семидесяти баскско-кавказских этимологий, из которых значительная часть была принята многими лингвистами, занимавшимися этим вопросом. Вслед за Уленбеком систематическим сравнением баскского языка с кавказскими занимались А. Тромбетти, И. Карст и Ж. Дюмезиль³⁶. В ряде работ последнего времени этим попыткам подводится уже некоторый итог: К. Боуда обобщил все, что сделано в области лексических сопоставлений, добавив значительное число и своих собственных сопоставлений³⁷; Р. Лафон проделал аналогичную работу в области сравнения грамматических показателей³⁸. Можно также указать и на некоторые исследования, в которых дается анализ проблемы баскско-кавказского родства в целом. А. Мартине в своей рецензии на указанную выше книгу Боуда высоко оценивает результаты работ Боуда и Лафона, хотя и не считает положение о баскско-кавказском родстве доказанным³⁹. Ж. Дюмезиль в своей статье о кавказских языках и Ж. Лакомб в статье о баскском языке⁴⁰ считают родство баскского и кавказских языков вероятным, хотя еще и не доказанным. Более скептически относятся к возможности установления этого родства Г. Фогт⁴¹. Он, считая не доказанным родство северокавказских языков с картвельскими, рассматривает гипотезы о родстве кавказских языков с другими языковыми группами как преждевременные или, во всяком случае, чрезвычайно рискованные. В. Поляк, критикуя некоторые предложенные этимологии, также говорит о методологической слабости сравнений, на которых основываются выводы о кавказско-баскском родстве. Он справедливо подчеркивает необходимость предварительной работы по составлению сравнительно-исторических грамматик отдельных языковых групп, а затем и сравнительно-исторической грамматики кавказских языков, взятых во всей совокупности. Поляк допускает также и возможность возникновения сходных грамматических черт и общего словарного фонда в результате развития в рамках одного языкового союза⁴².

Положение о родстве кавказских языков с баскским не может быть, конечно, отвергнуто *à priori*. Но сравнение этих языков может быть по-

³⁵ C. C. Uhlenbeck, De la possibilité d'une parenté entre le basque et les langues caucasiennes, «Revue International des Etudes basques», t. XV, Paris, 1924, стр. 565—588.

³⁶ См.: А. Тромбетти, указ. соч.; егo же, Le origini della lingua Basca, Bologna, 1925; J. Karst, указ. соч.; G. Dumézil, Introduction à la grammaire comparée des langues caucasiennes du Nord, Paris, 1933.

³⁷ K. Bouda, Baskisch und Kaukasisch ' «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin, 1948, Heft 3/4; егo же, Baskisch-kaukasische Etymologien, Heidelberg, 1949.

³⁸ R. Lafon, Concordances morphologiques entre le Basque et les langues caucasiennes, «Word», New York: 1951, № 3, стр. 227—244; 1952, № 1, стр. 80—94.

³⁹ См. «Word», 1951, № 3, стр. 279—282.

⁴⁰ См. G. Dumézil, Langues caucasiennes, сб. «Les langues du monde» [под ред.] A. Meillet et M. Cohen, nouvelle éd., Paris, 1952, стр. 227—254; G. Lacombe, Langue basque, там же, стр. 255—270.

⁴¹ См. H. Vogt, указ. соч.

⁴² V. Polák, указ. соч.; егo же, La position linguistique des langues caucasiennes, «Studia Linguistica», Lund — Copenhagen, 1950, № 1—2, стр. 98.

ставлено на научную почву только тогда, когда сами кавказские языки будут подвергнуты систематическому сравнительному изучению, когда будут уловлены регулярные соответствия между ними и будет составлена сравнительно-историческая грамматика кавказских языков. Только тогда можно будет осветить с исторической точки зрения факты отдельных кавказских языков, установить историческую последовательность фонетических и грамматических фактов этих языков. До этого все сравнения баскского языка с кавказскими неизбежно будут носить характер любительских упражнений и беспочвенных фантазий, о чем и свидетельствуют некоторые из предлагавшихся сопоставлений. Дюмезиль, например, сопоставляет окончание творительного падежа в баскском *-z* (читается *s*) с надежным окончанием *-с* в различных кавказских языках⁴³. В рутульском языке это окончание действительно также является показателем творительного падежа, в некоторых других языках лезгинской группы и в даргинском — показателем дательного падежа, в квандинском и других языках андийской группы — показателем аблятива, в цезском и других языках цезской группы — показателем родительного падежа, в языках вейнахских — показателем эргатива. О чем может говорить это совпадение в звучании различных падежных окончаний? Для построения каких бы то ни было выводов следует прежде всего выяснить историю этого окончания в кавказских языках. Может быть, это исторически одно и то же окончание, сохранившее свое звучание, но изменившее в тех или иных языках свою функцию. Но тогда путем сравнения данных различных языков нужно выявить его первоначальное значение. Может быть, однако, что мы имеем дело в данном случае с совпадением в одном звуке в результате определенных фонетических изменений исторически различных окончаний. В последнем случае естественно встанет вопрос, какие же из этих показателей могут быть исторически отождествлены с баскским падежным окончанием *-z*? Лафон, исходя из предположения Шухардта о том, что древнейшей формой этого окончания в баскском является *-tz* (читается как русск. *ц*), сопоставляет его с вейнахским окончанием эргатива-инструменталия *-ца*, *-ци*⁴⁴ и с аварским окончанием эргатива в «архаическом» склонении *-ца*⁴⁴. Но и это сопоставление требует предварительной работы по историческому истолкованию *-ца* в аварском и вейнахских языках. К тому же пытаться найти в так далеко разошедшихся языках, как баскский и кавказские, абсолютное совпадение показателей вряд ли правомерно. Как раз такое абсолютное совпадение должно вызвать у читателя законное подозрение относительно реальности предлагаемых сближений.

Часто сопоставления, основанные на внешнем созвучии, не учитывают тех звуковых соответствий, которые уже установлены для кавказских языков. Так, Дюмезиль сравнивает баскское окончание атрибутива *ko* одновременно и с аварским *хун*, и с вейнахским *ха*⁴⁵. Но вейнахскому *x* в аварском соответствует латеральный *ль*, как правильно указывает вслед за Трубецким Поляк⁴⁶. Нужно прежде всего выяснить путем сравнительно-исторического анализа, какой из этих формативов является исконным и с каким из них можно сравнивать баскское *ko*. Правда, возможно, что в аварском языке вейнахскому *x* имеется не один ряд соответствий, а два или три. Но и это предположение требует предварительного обоснования, чтобы оно могло рассматриваться как более или менее реальное сближение.

Наивны с методологической точки зрения и попытки Лафона найти

⁴³ См. G. Dumézil, Introduction..., стр. 128.

⁴⁴ См. R. Lafon, Concordances morphologiques..., стр. 231—232.

⁴⁵ См. G. Dumézil, Introduction..., стр. 129—130.

⁴⁶ V. Polák, указ. соч., стр. 97.

соответствия баскским личным местоимениям и личным показателям в различных кавказских языках. Баскское *ni* «я» он сопоставляет с лакским *na* и даргинским *nu*; баскскому окончанию 2-го лица *-k* он находит соответствие в грузинском глагольном префиксе *g-*, обозначающем объект 2-го лица единственного и множественного числа; баскский глагольный префикс 3-го лица единственного числа он сравнивает с основой различных северокавказских указательных местоимений и наречий. Во множественном числе баскское *gi* «мы» Лафон сопоставляет с грузинским глагольным префиксом, указывающим на объект 1-го лица множественного числа; баскское *zi* (читается *su*) сопоставляет с абхазо-адыгским *с^о*, вейнахским *су* и дагестанскими *ичу, чу, шу, жу*; наконец, баскский глагольный префикс 3-го лица *l* — с глагольной связкой 3-го лица единственного числа *li* в сванском языке и с указательными местоимениями *алу, ала, лам, лу* в будухском и крызском. Конечно, вероятность всех этих сопоставлений близка к нулю.

В обобщающих работах К. Боуда накопилось около четырехсот баскско-кавказских сопоставлений. Они представляют собой сближения, основанные на большем или меньшем внешнем созвучии. В значительном большинстве случаев сопоставляются произвольно выделенные элементы слова, очень часто представляющие собой лишь один какой-нибудь звук. Боуда тщательно систематизирует свой материал, пытается опереться на регулярность звуковых соответствий. Некоторая видимость методологической четкости и последовательности иногда при этом, может быть, и создается, но и то далеко не всегда. Так, например, в его сопоставлениях встречаем в качестве соответствий баскскому *z* (читается *s*) кавказские *с, жс, ц, ч, чI*, а также и их геминированные варианты. Основной же порок всех сближений Боуда тот, что он оперирует материалами разных кавказских языков, которые не сближены между собой исторически на основе определенных звуковых соответствий⁴⁷.

Приступать к сравнению баскского с многочисленными кавказскими языками до основательного сравнительно-исторического их изучения — это значит терять под ногами почву реальных фактов и создавать иллюзорные построения, основанные на чисто внешнем созвучии. При наличии сорока кавказских языков нетрудно найти в каком-либо из них соответствие любому языковому факту баскского языка, особенно если этим фактом является однофонемный корень или форматив, к тому же произвольно выделяемый⁴⁸.

*

Многое предстоит еще сделать в области сравнительно-исторического исследования кавказских языков. Далеко не все из этих языков описаны. Имеется и ряд таких языков, которые изучаются, но результаты их изучения еще не стали общим достоянием, и, таким образом, эти языки не могут быть еще использованы в исследовательской работе. Изучение кавказских языков долгое время носило характер чисто описательный, сравнительно-исторические сопоставления делались только эпизодически. И хотя уже многое сделано для создания сравнительно-исторических грамматик картвельской, абхазо-адыгской и вейнахской групп, все же этих грамматик еще нет. Для создания же сравнительно-исторической грам-

⁴⁷ Иллюзорность баскско-кавказских соответствий Боуда становится еще более очевидной, когда он с такой же легкостью переходит к установлению звуковых соответствий между кавказскими языками и рядом других, например австронезийскими.

⁴⁸ Поэтому нам кажется двусмысленным термин «иберийско-кавказские» в применении к кавказским языкам, так как онвольно или невольно указывает на совершенно недоказанное родство кавказских языков с баскским. Ср. такое расширительное понимание этого термина у Г. Дюмезиля, И. Карста, М. Гольмера и др.

матики дагестанских языков еще не проделана большая предварительная работа по описанию языков и составлению сравнительно-исторических грамматик отдельных языковых подгрупп, входящих в состав дагестанской группы языков.

Не надо забывать, что огромный вред сравнительно-историческому изучению языков нанесло длительное засилье в советском языкознании аракчеевского режима, при котором использование сравнительно-исторического метода связывалось с расизмом. Молодые языковеды в процессе подготовки не овладевали методикой сравнительно-исторического анализа. Под давлением марристских догматов они чуждались постановки генеалогических проблем и пытались выводить историю конкретных языков чисто логически из материала изучаемого языка, выходя за его пределы лишь для приведения типологических аналогий из других, родственных или неродственных языков⁴⁹.

Тбилисская кавказоведческая школа, одним из виднейших представителей которой является А. С. Чикобава, во время господства аракчеевского режима в языкознании сумела противостоять марристским установкам и смело выступала в защиту принципов сравнительно-исторического языкознания. В 1942 г. А. С. Чикобава писал: «...закономерное сходство, наблюдаемое в звуковом составе, в структуре и лексике различных групп кавказских языков, не есть результат схождения, не проявление сродства (Affinität) их, а отражение генетического единства, родства их: чем далее нам удастся проникнуть в толщу исторической жизни кавказских языков, тем ближе они оказываются друг с другом...»⁵⁰ Грузинскими учеными проделана большая работа по описанию кавказских языков, многие из которых долго оставались неизвестными науке. В исследованиях большое внимание уделялось изучению диалектов, материалы которых так важны для воссоздания исторического процесса развития языков⁵¹. Много сделано грузинскими языковедами и для развития сравнительно-исторического метода в применении к кавказским языкам с учетом ряда их специфических особенностей⁵². А. С. Чикобава не раз с большой убедительностью говорил о строгости научного метода, о необходимости исходить из фактов, об осторожности в научных выводах: «...одно дело мнение, хотя бы и весьма распространенное, другое дело — научное положение, твердо установленное на основе точных данных согласно строгим требованиям лингвистического анализа»⁵³.

А. С. Чикобава ставил вопрос и о необходимости последовательных сравнительно-исторических исследований: «Единственный путь для решения этой задачи — разработать сравнительно-историческую грамматику и сравнительно-исторический словарь живых иберийско-кавказских языков — сперва отдельно, „регионально“ — по группам, затем сводную, единую сравнительно-историческую грамматику и единый сводный сравнительно-исторический словарь иберийско-кавказских языков»⁵⁴.

⁴⁹ Недочеты такого характера содержатся и в нашей статье «Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках» (сб. «Язык и мышление», т. XI, М.—Л., 1948, стр. 56—68).

⁵⁰ Арн. Ч и к о б а в а, Исследование горских кавказских языков и наши задачи, «Известия Ин-та языка, истории и матер. культуры АН Груз. ССР», т. XII, Тбилиси, 1942, стр. 287.

⁵¹ См., например, сборники «Иберийско-кавказское языкознание», издаваемые Институтом языкознания АН Грузинской ССР (опубликовано 5 томов: Тбилиси, 1946—1953).

⁵² В этом отношении чрезвычайно важной является работа А. С. Ч и к о б а в а «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках» (Тбилиси, 1942).

⁵³ Арн. Ч и к о б а в а, Исследование горских кавказских языков..., стр. 287.

⁵⁴ Арн. Ч и к о б а в а, Сталинское учение о языке и наши задачи в области сравнительно-исторического языкознания, «Заря Востока» (Тбилиси) 20 I 53.

С этой точки зрения А. С. Чикобава скептически оценивает попытки сближения с иберийско-кавказскими языками азианических языков (Хюзинг, Борк, Тромбетти, Вайднер, Форрер, Контено и др.), указывая на то, что они «...пока что лишены, к сожалению, должного методического обоснования, поскольку привлекаемые к сравнению факты живых иберийско-кавказских языков берутся без учета их истории в наличной системе родственных языков»⁵⁵.

Необходимо вместе с тем отметить, что в работах представителей тбилисской кавказоведческой школы, в частности в работах А. С. Чикобава, встречаются и научно не обоснованные утверждения о родстве кавказских языков с самыми различными языками Передней Азии и Средиземноморья и далеко идущие выводы, которые на современной ступени изучения кавказских языков не могут быть подкреплены каким бы то ни было фактическим материалом. В наиболее общей форме эти взгляды выражены в коллективном труде Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа «История Грузии»: «По своему происхождению грузины принадлежат к древнему коренному населению Передней Азии. В глубокой древности, пять-шесть тысяч лет тому назад, родственные между собой народы хетто-иберийской группы занимали обширную территорию в Передней Азии, а также, распространившись отсюда на запад — в северной, прибрежной полосе Африки и в Южной Европе. В Европе народы этого корня предшествовали позднейшим пришельцам — индоевропейцам, испытавшим сильное влияние аборигенного (туземного) населения и его развитой культуры. Так было на Пиренейском, или Иберийском полуострове, где потомки древнего населения — иберов сохранились до наших дней под именем басков, на Апеннинском полуострове, где туземцы, в лице этрусков, создали древнейшую цивилизацию Италии, оказавшую позднее могущественное воздействие на культуру Рима, и на Балканском полуострове, где впоследствии греки явились на смену первоначальных обитателей страны — пелазгов»⁵⁶. Эта точка зрения принята в качестве установочной и языковедами тбилисской кавказоведческой школы. Сборник «Иберийско-кавказское языковедение» (II) начинается следующим определением: «Термином „иберийско-кавказские языки“ мы обозначаем живых представителей некогда многочисленного и в культурно-историческом плане глубоко интересного круга языков, которые в советской научной литературе за последнее время именуется хеттско-иберийскими... Иберийско-кавказские языки ныне включают в себя картвельские... и горские кавказские языки...; все — на Кавказе. Баскский язык — в Пиренеях (доиндоевропейский армянский — субстрат современного армянского языка — и языки древней Албании — также относятся сюда исторически»⁵⁷. Аналогичную формулировку мы видим и в брошюре А. С. Чикобава: «...живые иберийско-кавказские языки (картвельские и горские кавказские языки), равно как и баскский язык, относятся к обширному кругу языков, носители которых занимали кроме Кавказа всю Малую Азию, Месопотамию и Средиземноморье; эти языки суть ныне мертвые языки — иберийский — на Пиренейском полуострове, этрусский — на Апеннинском полуострове, пелазгийский — на Балканском полуострове, хеттские языки, хурритский, урартский, эламский и

⁵⁵ А. С. Чикобава, Введение в языковедение, ч. I, стр. 227.

⁵⁶ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. I, Тбилиси, 1950, стр. 16.

⁵⁷ «Иберийско-кавказское языковедение», II, Тбилиси, 1948, стр. IX. См. также Ари. Чикобава, Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик, там же, стр. 255, где к одной языковой семье отнесены кавказские, баскский, хеттский, эламский, хурритский, урартский и этрусский языки.

шумерский — в Передней Азии»⁵⁸. См. также соответствующие места в упоминавшемся уже учебном пособии А. С. Чикобава по введению в языковедение, в статье К. В. Ломтатидзе и А. С. Чикобава «Иберийско-кавказские языки» в XVII томе «Большой Советской Энциклопедии» и в других работах. Иногда эти формулировки даются совершенно категорически, в других же случаях несколько смягченно, в сопровождении вводных слов «повидимому», «полагают» и т. п., что, конечно, совершенно не меняет положения дела по существу.

Важно также подчеркнуть, что А. С. Чикобава не только утверждает а priori существование генетического родства хеттско-иберийских языков, но и рассматривает попытки доказательств этого родства как основную задачу, стоящую перед кавказоведами. «Основная задача, стоящая перед сравнительно-историческим языковедением у нас, состоит в том, чтобы вскрыть и с научной убедительностью показать историческую общность хеттско-иберийского языкового мира, воссоздать с научной убедительностью пути развития этих языков, показать генетическую связь грузинского и других иберийско-кавказских языков с древними языками Передней Азии»⁵⁹.

Наличие подобных априорных утверждений о существовании хеттско-иберийской языковой семьи и постановка задач, не соответствующих уровню изучения кавказских языков, не может положительно влиять на дальнейшее развитие советского кавказоведения. Создается определенное несоответствие между методологическими принципами языковедения как сравнительно-исторической дисциплины и чисто декларативными утверждениями, не вытекающими из фактического материала. При современном состоянии изучения кавказских языков, при отсутствии материалов по многим из этих языков, которые часто известны только по названию, при отсутствии сравнительно-исторических грамматик кавказских языков утверждение о существовании хеттско-иберийской языковой семьи лишено какого бы то ни было реального обоснования, не может быть проверено научными методами, а потому и не может выдвигаться в настоящее время даже как рабочая гипотеза. Poleмика о принадлежности многих языков Передней Азии к тем или иным языковым семьям совершенно беспредметна и выходит за рамки языковедения как эмпирической науки, так как об этих языках часто или совершенно ничего не известно, или известно слишком мало для того, чтобы можно было делать какие-либо построения позитивного характера.

Кавказские языки так часто выступали в качестве объекта различных фантастических гипотез, что в методологическом плане в настоящее время чрезвычайно важно держаться при их изучении строгих методов подлинной науки, всегда опирающейся на хорошо изученные и вполне достоверные факты. Основной задачей сравнительно-исторического изучения кавказских языков на данной ступени надо считать создание сравнительно-исторических грамматик отдельных языковых групп с тем, чтобы перейти на следующей ступени к созданию сравнительно-исторической грамматики кавказской языковой семьи в целом.

Постановка вопроса об исторической общности хеттско-иберийских языков дезориентирует специалистов по кавказским языкам, отвлекает их от очередных насущных задач, имеющих решающее значение для развития современного кавказоведения.

⁵⁸ Арн. Ч и к о б а в а, Труды И. В. Сталина по вопросам языковедения и их значение для науки о языке, Тбилиси, 1951, стр. 9—10.

⁵⁹ Арн. Ч и к о б а в а, Сталинское учение о языке и наши задачи в области сравнительно-исторического языковедения, «Заря Востока» 20 I 53.